

DOI 10.15593/2224-9354/2017.3.9

УДК 316.723

Г.В. Разинский, М.А. Геташвили

КУЛЬТУРА И ПАТЕРНАЛИЗМ: ЕДИНСТВО В ПРОТИВОРЕЧИИ

Дан анализ взаимоотношений фундаментальных феноменов общественного развития – культуры и патернализма (в развитом виде – синдрома патернализма) как в научно-методологическом, так и в эмпирико-прикладном контексте. Подробно изучены границы и содержание сопряженности понятий «культура» и «патернализм», их характеристики как самостоятельных отраслей социологического знания, при этом отмечены как точки соприкосновения и контакта, так и сегменты противоречий. Определено, что культура оказывается тем репродуктором, через который транслируются социогенетические, социокультурные, поведенческие и иные стандарты и стереотипы, обеспечивающие преемственность и развитие социальных общностей всех уровней. Если на концептуальном уровне культуру и патернализм объединяет системность, взаимосвязанность многообразия элементов их составляющих, соотносимость с обществом как основной формой человеческого бытия, то на эмпирическом они реализуются в одной и той же триаде условий, ценностных ориентаций и социального поведения представителей тех или социальных общностей, типов культуры и субкультуры. В этом их единстве заключена и «оппонентность» патерналистского типа культуры, когда, с одной стороны, он оказывается накопителем и хранителем достигнутого, репродуцируя прежние достижения этой триады в ткань будущего социального устройства, а с другой – создает барьеры для преодоления негативной составляющей, тормозя необходимые социальные, в том числе и социокультурные трансформации общества.

Ключевые слова: типы культуры, патернализм, синдром патернализма, консервативно-инерционная и деятельностно-динамическая модели культуры.

Чтобы определить границы и содержание сопряженности понятий «культура» и «патернализм» в их социологической интерпретации, представляется необходимым, во-первых, охарактеризовать их как самостоятельные сущности социологического знания, во-вторых, выявить точки их соприкосновения и контакта, в-третьих, выяснить те их особенности, которые разводят их как оппонентов.

Итак, культура. Среди всего многообразия определений, направлений, школ, посвященных феномену культуры, авторы отдают предпочтение деятельностной концепции, подробно описанной в трудах Э. Маркаряна, М. Кагана, З. Файнбурга и других ученых. Так, в понимании Э. Маркаряна культура есть способ человеческой деятельности [1, с. 14]. Это перекликается с определением культуры, данным З. Файнбургом: «...культура есть характеристика одного из важнейших качеств общества, свидетельствующего о способе его

© Разинский Г.В., Геташвили М.А., 2017

Разинский Геннадий Вениаминович – ст. научный сотрудник, завлабораторией проблем высшего образования ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», e-mail: labsoc@pstu.ru.

Геташвили Мария Андреевна – ст. преподаватель кафедры «Социология и политология» ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», e-mail: mgetat@mail.ru.

движения, функционирования, характеристика общества с точки зрения его *технологии*» [2, с. 31–32] (курсив наш. – *Авт.*).

Таким образом, культура рассматривается как динамическое проявление основных характеристик/качеств общества, или, по выражению культуролога Э. Сепира, культура – это «социально унаследованный комплекс способов деятельности и убеждений, составляющих ткань нашей жизни»¹. По словам М. Кагана, «...культура, взятая в целом, является более сложной системой, чем та или иная ее подсистема – материальная или духовная, религиозная или эстетическая, ибо по отношению к ним она является как бы системой систем» [3, с. 324] или, как пишет А. Лосев, «культура есть предельная общность всех основных слоев исторического процесса (экономических, социально-политических, практически-технических, ремесленных, художественных, моральных, философских, национально-народных, бытовых)» [4, с. 218–219]. Таким образом, деятельностная концепция культуры акцентирует внимание на ее базовых характеристиках: всеобщности культуры как таковой, ее системности, взаимосвязанности многообразия элементов ее составляющих, ее соотносимости с обществом как основной формой человеческого бытия, обеспечивая способы его (бытия) реализации, благодаря чему обеспечивается преемственность, самосохранение и развитие общества.

Социологическая интерпретация деятельностной концепции культуры по З. Файнбургу рассматривает ее как множественность субкультур, представляющих собой операциональные толкования понятия того или иного типа культуры, которые образуют четыре группы индикаторов культуры. Первая свидетельствует об осведомленности людей в сфере культуры (уровне их образования); вторая – об избирательности в сфере культуры, зависимости от содержания потребляемой культурной информации; третья – о степени активного отношения к культуре (участи в ее создании); четвертая – о жизненных ценностях типов культуры [5]. В эмпирическом контексте это предполагает анализ условий, ценностных ориентаций и социального поведения представителей тех или иных социальных общностей, типов культуры.

Культура таким образом оказывается тем репродуктором, через который транслируются социогенетические, социокультурные, поведенческие и иные стандарты и стереотипы, обеспечивающие преемственность и развитие социальных общностей всех уровней.

Патернализм в своем развитом состоянии представляет собой некий синдром, пронизывающий всю совокупность социальных отношений и включающий в себя как элементы традиционного общества, обусловленные культурно-исторической ментальностью российского государства, так и те из

¹ Цит.: Быстрова А.Н. Дефиниции культуры в системе культурологического знания // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 32. С. 175.

элементов общества рыночного типа, в которые «внедряются» патерналистские ценности и поведенческие практики. Он накладывает отпечаток на социальную систему в целом, отражая ментальность практически всех социальных групп общества [6, с. 540]. Эта синдромность определяется не как механический набор тех или иных признаков-характеристик, а как система, в которой каждый из этих признаков органически связан с другими его составляющими, когда проявление патерналистских настроений в той или иной сфере жизнедеятельности непременно сопровождается соответствующими проявлениями в других сферах. В этом одновременно его атрибутивность как самостоятельного явления и сопоставимость с феноменом культуры. В своих основных проявлениях патернализм находит свое проявление в той же триаде, которая характерна для культуры как способа, технологии освоения социального мира: в условиях, ценностных ориентациях и социальном поведении тех субкультурных страт, которые консервируют *status quo ante*, противостоя тем субкультурам, которые нацелены на развитие. В этом проявилась «оппонентность», внутренняя противоречивость патерналистского инварианта культуры как способа освоения общества, когда, с одной стороны, он оказывается накопителем и хранителем достигнутого, репродуцируя прежние достижения этой триады в ткань будущего социального устройства, а с другой – создавая барьеры для преодоления негативной составляющей и тормозя необходимые социальные, в том числе и социокультурные трансформации общества. Таким образом, выявленное противостояние феноменов культуры и патернализма, сочетающееся с их сущностной и инструментальной сопоставимостью, порождает качественно новый феномен – патерналистский и антипатерналистский типы культуры, первый из которых нацелен на консервацию патерналистских субстанций, тогда как второй противопоставляет этим антипатерналистским условиям, установкам и практикам.

Остановимся более подробно на антипатерналистском типе культуры, обозначив основные факторы, формирующие патерналистский синдром и соответственно патерналистскую субкультуру:

- 1) низкий материальный статус;
- 2) подверженность тех или иных социальных групп традиционным нормам и ценностям и неприятие (или принятие в ограниченных масштабах) ценностных ориентаций рыночного типа;
- 3) затрудненный процесс интеграции в новую социальную структуру рыночного общества;
- 4) низкий уровень социальной мобильности в различных сферах жизни, распространенность настроений социального иждивенчества;
- 5) неприятие социальной дифференциации и приверженность эгалитаристским отношениям;
- 6) низкая социальная, профессиональная, культурная мобильность.

Эти факторы проявились в следующем:

◆ в социальных характеристиках групп, подверженных патерналистскому синдрому (большой процент женщин и лиц старших возрастов, несколько меньший удельный вес лиц с высшим и незаконченным высшим образованием, доминирование выходцев из крестьян и рабочих, несколько более с высоким стажем трудовой деятельности);

◆ в их социально-профессиональном статусе (крайне незначительный в этой среде процент предпринимателей при высокой доле рабочих, пенсионеров, «бюджетников» и других специалистов различного отраслевого профиля, правда, последние две группы достаточно широко представлены и в векторе восходящей мобильности, что, впрочем, скорее подтверждает незавершенность процесса социально-стратификационной консолидации и дифференциации, с одной стороны, тогда как с другой – является социальной базой распространенности маргинальных процессов и настроений патернализма в российском обществе);

◆ в меньшей свободе в самоопределении своих ценностных и поведенческих позиций и в более высокой степени социальной автономии от стандартов и ценностей социального поведения, характерных для новой структуры социальных отношений: чем более автономны в этом смысле те или иные группы, тем в меньшей степени они ощущают общую удовлетворенность той или иной стороной своей жизни;

◆ в определяющем, доминирующем значении материального фактора, формирующего патерналистские ориентации, почти 80 % патерналистов отнесли себя к малооплачиваемым, что в 4 раза меньше, чем в среде антипатерналистов;

◆ в слабо выраженной ориентации на содержательную сторону труда при доминанте инструментальных и воспроизводственных предпочтений, низкая готовность к повышению своего социально-профессионального статуса, неуверенность в своей устойчивости на рынке труда и занятости, что является более четко выраженным проявлением социальной маргинальности, в целом характерной для всего российского социума;

◆ в распространенности настроений безразличия, а то и неприятия того города, в котором они живут, и это при более высокой тяге к оседлости и практически неосведомленность и неучастие в городской жизни (что в целом отличает городской социум, независимо от вектора социальной мобильности);

◆ в доминировании в культурно-досуговой деятельности воспроизводственно-потребительских тенденций, а в сфере семейных отношений – консервативных и традиционных ценностей и стандартов поведения при высокой распространенности настроений социального иждивенчества;

◆ в большей приверженности к консервативным моделям социального устройства, причем не только ретросоветского образца, но и откровенно национал-автаркичного типа, и отрицании моделей рыночного типа, что в сочетании с патерналистским отношением к управленческим структурам при одновременно невысоком уровне доверия к основным социальным институтам, исключая армию, и тем более к местным управленческим структурам, при фактическом отчуждении от них, формирует негативный фон, который чреват ростом протестных настроений;

◆ в большей подверженности групп патерналистско-ориентированных в оценках своего социального самочувствия настроениям беспокойства, тревоги, безысходности [7, с. 403–404].

Что интересно, данные исследований, проводившихся лабораторией социологии в 1970–80-е годы прошлого столетия в г. Норильске, отразив характерные особенности образа жизни *homo soveticus* (в конкретном случае жителей Норильска – рабочих Норильского горно-металлургического комбината) с его мифами и реалиями «развитого социализма» и выявив проявления патерналистских настроений, доминировавших в социокультурных и трудовых отношений того времени, тем не менее показал зачатки антипатерналистского типа культуры. В частности, удалось выявить (с учетом специфики Крайнего Севера) два основных типа работников в зависимости от их преимущественной ориентации на приезд в Норильск.

1-й тип – люди, приехавшие на Крайний Север с целевой установкой заработать средства для приобретения квартиры, автомобиля и т.д. Остаться здесь долго они не собирались. Их поведение, в том числе и в сфере культуры, было обусловлено в конечном счете данной конкретной установкой. Это проявилось:

- ◆ в жесткой заданности основополагающих ценностных ориентаций;
- ◆ в стойкости и консервативности стереотипов поведения патриархального семейного уклада;
- ◆ в ограниченности контактов во внепроизводственное время, домашней направленности досуга, отношение к нему лишь как к средству восстановления сил, необходимых для работы;
- ◆ в пониженном уровне культурной информированности;
- ◆ в обедненной и упрощенной структуре досуга;
- ◆ в пониженной творческой и социальной активности.

2-й тип – люди, ориентированные на материальную заинтересованность, но без определенной конкретной цели. Для них заработок был не самоцелью, а формой самоутверждения и самореализации. Для этого типа были характерны:

- ◆ более сложная и динамичная структура жизненных ценностей;

◆ усложненное отношение к работе (высокая ориентация на заработок сочеталась с повышенным интересом к содержанию работы);

◆ менее консервативное, более либеральное отношение к семейным ценностям и стереотипам поведения;

◆ более высокий уровень культурной информированности, большая широта предпочитаемых занятий в свободное время, более высокий уровень творческой и социальной активности.

Таким образом, даже в советский период, характеризовавшийся господством тотальной роли государства и партии как генеральных патеров, в тех случаях, когда создавались определенные специфические условия (как в приведенном примере), патерналистские тенденции подвергались отдельным деформациям. И хотя они не ставили под вопрос патерналистскую доминанту, они способствовали созданию условий последующих (хоть и спустя десятилетия) социальных (в том числе и культурных) трансформаций [8, с. 25–26].

Структурно патерналистский синдром и соответствующий ему тип культуры обладает следующими характеристиками [9, с. 82–84]:

1) вертикальный вектор направленности патерналистских связей, при котором стороны находятся в дихотомии господства и подчинения;

2) взаимодействие, понимаемое не только как стремление управляющих доминировать над другими, но и стремление подчиняемых к делегированию своих прав и полномочий «наверх», их желание, чтобы ими руководили в расчете на то, что в обмен на это первые будут предоставлять определенный набор социальных благ и предпочтений;

3) некритический, конформистский образ мышления и поведения, низкий уровень ассертивности, исключаяющий или по крайней мере снижающий степень осознания ответственности за те или иные социально востребованные действия в расчете на то, что доминантная сторона патерналистской вертикали решит за них и для них возникающие проблемы, является основанием для формирования социального иждивенчества и социальной апатии;

4) подверженность носителей патерналистской субкультуры эгалитаристским, уравнилельским настроениям, враждебное отношение к каким бы то ни было социальным дифференциациям, что затрудняет процесс адаптации к реалиям рыночного общества;

5) абсолютизация государства как главного «патера», которого носители патерналистских настроений или обожествляют, если оно их благодетельствует, или, наоборот, подвергают той или иной обструкции, если этого не происходит;

6) черно-белое восприятие патерналистского видения окружающего мира, стремление разделить его на своих и чужих, неприятие каких-либо инноваций, жесткое следование традиции, стремление к самоизоляции от всего, что рушит привычные стереотипы, что разрушает сложившуюся автаркию своего мира;

7) пластичность, высокая степень приспособляемости, адаптивности к различным, зачастую диаметрально противоположным социальным системам и институтам.

Рассмотрение патерналистского синдрома как одной из субкультур позволяет применить триадный метод анализа: условий, ценностных ориентаций и социального поведения обследуемых общностей. Так, при изучении проявлений патернализма и его производного – патерналистского синдрома в условиях городской общности были выделены так называемые базовые индикаторы, доминантные проявления данного синдрома в современном обществе:

- ◆ условия воспитания в родительской семье как показатель социализирующей составляющей патерналистского синдрома;
- ◆ отношение к роли государства в обществе как к генеральному патеру (ценностная составляющая);
- ◆ ориентация на социальную поддержку, социальную помощь со стороны госструктур как поведенческий индикатор патернализма (поведенческая составляющая).

Полученные данные показывают, что в своих ответах на основные индикативные вопросы, посредством которых замерялся уровень распространения патерналистских настроений, опрошенные демонстрируют достаточно высокую подверженность патерналистскому синдрому. Так, в оценке роли государства более 70 % респондентов оценивают ее как доминирующую и лишь каждый 4-й отдает предпочтение личной инициативе и активности.

Далее, анализ ответов на вопрос об условиях воспитания в родительской семье показывает, что почти для 80 % участников опроса первичная социализация прошла в условиях авторитарного, патерналистского стиля отношений и лишь 20 % – в равноправно-демократической атмосфере, что способствовало трансляции ретропатерналистских традиций российского общества.

Наконец, на поведенческом уровне отмечается, что более половины опрошенных постоянно или периодически нуждаются в социальной помощи и, следовательно, лишь 45 % не испытывают в ней потребности.

Дальнейшее применение триадного принципа анализа позволило выявить дополнительные барьеры, препятствующие преодолению консервирующих проявлений патерналистской субкультуры [10, с. 77]. К ним относятся:

- ◆ противоречивое отношение к рыночному укладу современного общества: при высоком (более 2/3 респондентов) вербальном приятии рынка почти 40 % не смогли к нему приспособиться;
- ◆ относительно высокий уровень распространенности эгалитаристских настроений и относительно низкий – признающих социальное многообразие (эгалитаристы – 40,4 %, социал-дифференты – 47,6 %);
- ◆ ориентация в своих политических интенциях на те типы государственного устройства, которые предполагают высокую степень государствен-

ного участия, обеспечивающего пассивно-потребительскую роль населения (таких доминирующее большинство – 81,4 %);

- ◆ слабая интегрированность в городской социум при невысокой горизонтальной и вертикальной мобильности;

- ◆ высокая релятивность жизненных норм и ценностей и низкий уровень законопослушания: более 40 % не считают возможным достижение жизненного успеха, не нарушая законов и нравственных норм, противоположную точку зрения разделяет примерно такое же количество респондентов;

- ◆ пассивное отношение к самоуправлению, ожидание помощи от официальных управленческих структур (47,7 % опрошенных считают, что самоуправление станет возможным, если это будет санкционировано вышестоящими инстанциями).

Таким образом, проведенный анализ подтверждает определение патернализма и сложившегося на основе его патерналистского синдрома как специфического и весьма укоренившегося в современном обществе тип культуры, или, по-другому, патерналистской субкультуры.

Внутренняя противоречивость патерналистской субкультуры актуализирует сочетание взаимоисключающих комплексов: например, комплекса превосходства в оценке чужих этносов и культур и комплекса неполноценности при сравнении достижений «своих» и «чужих»; приятие на вербальном уровне ценностей и установок демократии и признание в качестве образца политического устройства общества авторитарных и полуавторитарных режимов; стремление и готовность к роли подчиняющихся и правовой нигилизм и неготовность к выполнению законов, в том числе и тех, что легитимизируют иерархический тип общественных отношений и т.д.

В связи с этим можно говорить о двух субкультурных моделях приятия или отторжения патерналистского синдрома: консервативно-инерционной (патерналистской) и деятельностно-динамической (антипатерналистской) [11, с. 207].

Консервативно-инерционная (патерналистская) модель базируется на традиционных представлениях. Для ее приверженцев характерен низкий уровень материальной обеспеченности, пассивно выжидательный, социально-иждивенческий подход, ожидание помощи извне (прежде всего от государства), слабая развитость адаптивных механизмов, что затрудняет их интеграцию в рыночную систему отношений, неприятие социальной дифференциации и стремление к социально уравнительным отношениям, неразвитость правового самосознания, интолерантность в ценностях и поведении, отчужденность от социальной среды, нежелание и неумение самостоятельно преодолевать жизненные трудности, пессимистическая оценка своих жизненных перспектив.

Деятельностно-динамическая (антипатерналистская) модель отличается нацеленностью на активное освоение окружающей социальной среды.

Ее приверженцев отличает достаточно высокий уровень материальной обеспеченности, в своей повседневной жизненной практике рассчитывают прежде всего на собственные возможности, менее зависимые от других (в том числе и от государства), они демонстрируют высокие адаптивные способности, интегрированность в рыночные отношения как на вербальном, так и на поведенческом уровнях, их отличает высокий уровень правосознания, толерантное отношение к социальной дифференциации, стремление к личностной активности (и реализация ее) в освоении всех уровней социальной среды, желание и умение выбора оптимального варианта преодоления жизненных коллизий.

Противоборство этих двух субкультур (про- и антипатерналистской), отражая внутренне противоречивое единство феноменов культуры и патернализма, составляет одну из доминант социального развития современного российского общества.

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта № 17-13-59001, финансируемого Российским гуманитарным научным фондом.

Список литературы

1. Маркарян Э. Очерки теории культуры. – Ереван, 1969. – 228 с.
2. Файнбург З.И. К вопросу о понятии культуры и периодизации ее исторического развития (некоторые проблемы методологии) // Изв. Северо-Кавказ. науч. центра высш. школы. Общественные науки. – 1976. – № 3. – С. 30–36.
3. Каган М.С. Философия культуры. – СПб., 1996. – 415 с.
4. Лосев А.Ф. Дерзание духа. – М.: Политиздат, 1988. – 366 с.
5. Файнбург З.И. Социологические исследования проблем культуры (Опыт работы лаборатории социологии ППИ) // Общие проблемы культуры и культурного строительства: экспр.-информ. / Информ. центр по пробл. культ. и иск. Гос. библ. им. В.И. Ленина. – М., 1979. – Вып. 4. – 32 с.
6. Разинский Г.В. Патернализм как синдром [Электронный ресурс] // Социология в системе научного управления: материалы IV Всерос. социол. конгр. / Ин-т социологии РАН, Ин-т соц.-полит. исслед. – М., 2012. – С. 539–541. – CD-ROM.
7. Разинский Г.В., Слюсарянский М.А. Социальная мобильность и патернализм // Актуальные проблемы социологии: сб. науч. ст. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. – С. 401–405.
8. Разинский Г.В., Вассерман Ю.М. К вопросу о путях совершенствования социальной политики в районах Крайнего Севера (по материалам исследования «Норильск-2000» // Молодой город в районах нового освоения Севера: социально-культурные проблемы: сб. науч. тр. – Свердловск, 1989. – С. 18–26.
9. Разинский Г.В. Патернализм: структурные характеристики // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исслед.

дований: материалы XI Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения З.И. Файнбурга (Пермь, 21–22 ноября 2012). – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2012. – С. 82–85.

10. Разинский Г.В. Молодежь в городе: истоки, состояние, тенденции // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2016. – № 3. – С. 73–86.

11. Разинский Г.В. Личность в контексте патерналистского синдрома // Личность в информационно-инновационном обществе: моногр. – Пермь: Изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2015. – С. 194–207.

References

1. Markarian E. Ocherki teorii kul'tury [Essays on the theory of culture]. Erevan, 1969, 228 p.

2. Fainburg Z.I. K voprosu o poniatii kul'tury i periodizatsii ee istoricheskogo razvitiia (nekotorye problemy metodologii) [On the issue of defining the concept of culture and its historical development (some problems of methodology)]. *Izvestiia Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshei shkoly. Obshchestvennye nauki*, 1976, no. 3, pp. 30–36.

3. Kagan M.S. Filosofiiia kul'tury [Philodophy of culture]. Saint-Petersburg, 1996, 415 p.

4. Losev A.F. Derzanie dukha [Daring of spirit]. Moscow, Politizdat Publ., 1988, 366 p.

5. Fainburg Z.I. Sotsiologicheskie issledovaniia problem kul'tury (Opyt raboty laboratorii sotsiologii PPI) [Sociological studies of cultural problems (experience of PIP laboratory of sociology)]. *Obshchie problemy kul'tury i kul'turnogo stroitel'stva*. Moscow, 1979, issue 4, 32 p.

6. Razinskii G.V. Paternalizm kak sindrom [Paternalism as a syndrome]. *Sotsiologiiia v sisteme nauchnogo upravleniia: materialy IV Vseros. sotsiol. kongr.* [Proceedings of the 4th All-Russian Sociological Congress “Sociology in the system of scientific management”]. Moscow, 2012, pp. 539–541. CD-ROM.

7. Razinskii G.V., Sliusarianskii M.A. Sotsial'naia mobil'nost' i paternalizm [Social mobility and paternalism]. *Aktual'nye problemy sotsiologii*. St. Ekaterinburg, UrFU Publ., 2012, pp. 401–405.

8. Razinskii G.V., Vasserman Iu.M. K voprosu o putiakh sovershenstvovaniia sotsial'noi politiki v raionakh Krainego Severa (po materialam issledovaniia “Noril'sk-2000” [On the ways of improving social policy in the regions of the Far North (based on the Norilsk-2000 study)]. *Molodoi gorod v raionakh novogo osvoeniia Severa: sotsial'no-kul'turnye problemy*. Sverdlovsk, 1989, pp. 18–26.

9. Razinskii G.V. Paternalizm: strukturnye kharakteristiki [Paternalism: structural characteristics]. *Sovremennoe obshchestvo: voprosy teorii, metodologii, metody*

sotsial'nykh issledovaniy: materialy XI Vseros. nauch. konf., posviashch. 90-letiiu so dnia rozhdeniia Z.I. Fainburga (Perm', 21–22 noiabria 2012) [Proceedings of the 11th All-Russian Scientific Conference “Modern society: questions of theory, methodologies and methods of social research”]. Perm, PNRPU Publ., 2012, pp. 82–85.

10. Razinskii G.V. Molodezh' v gorode: istoki, sostoianie, tendentsii [Youth in the city: origins, status and trends]. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2016, no. 3, pp. 73–86.

11. Razinskii G.V. Lichnost' v kontekste paternalistskogo sindroma [Personality in the context of paternalistic syndrome]. *Lichnost' v informatsionno-innovatsionnom obshchestve*. Perm, PNRPU Publ., 2015, pp. 194–207.

Оригинальность 76 %

Получено 30.03.2017 Принято 28.04.2017 Опубликовано 30.09.2017

G.V. Razinsky, M.A. Getashvili

CULTURE AND PATERNALISM: UNITY IN CONTRADICTION

The article is devoted to the analysis of interrelations between culture and paternalism (paternalism syndrome in a developed form) as the fundamental phenomena of social development, both in scientific-methodological and empirical-applied context. The authors examine the scope and content of the contingency of these two notions as separate branches of sociology providing their characteristics, common interests and contradictions. The authors state that culture appears a loudspeaker that broadcasts socio-genetic, socio-cultural, behavioral and other standards and stereotypes ensuring continuity and development of social communities at all levels. At the conceptual level, culture and paternalism are linked by the consistency and coherence of the multitude of constituent elements, as well as their correlation with the society as the primary form of human existence. At the empirical level they are implemented through the same trine of conditions, system of values and social behavior of the representatives of various social communities, culture and subculture types. In this unity lies the opponence of paternalistic culture type. On the one hand, it appears to be an accumulator and preserver of the previous achievements of the trine, with their integration into the framework of the future social order. On the other hand, it raises barriers to overcome the negative components and to hamper certain social as well as socio-cultural transformations.

Keywords: culture types, paternalism, paternalistic syndrome, conservative and inertial culture model, active and dynamic culture model.

Gennady V. Razinsky – Senior Researcher, Head of the Laboratory of the Problems of Higher Education, Perm National Research Polytechnic University, e-mail: labsoc@pstu.ru.

Mariya A. Getashvili – Senior Lecturer, Dept. of Sociology and Political Science, Perm National Research Polytechnic University, e-mail: mgetat@mail.ru.

Received 30.03.2017 Accepted 28.04.2017 Published 30.09.2017